

Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории

Тимофеев И. Н.

В работе рассматривается динамика политической идентичности России в постсоветский период сквозь призму интерпретаций истории страны. После «шараханий» конца 1980-х и 1990-х гг., в России «нулевых» начал выстраиваться относительно целостный подход к истории. Его особенностью стал акцент на патриотической компоненте и маргинализация идеологических сюжетов как левого, так и правого толка. Тем не менее, этот подход сохраняет преемственность с советской версией интерпретации истории, в которую было встроено мощное патриотическое ядро. Подобная преемственность стала важным фактором сохранения устойчивости российской государственности. Победа в Великой отечественной войне — стержневой элемент патриотического ядра. Парадоксальным образом, российская демократия получила легитимацию через подспудные, но жизнеспособные внеидеологические составляющие советской политической идентичности.

Стабилизация 2000-х гг. дала надежду на снижение остроты ряда угроз, обострившихся после распада Советского Союза. Среди них угроза необратимого размывания политической идентичности — базовых принципов и представлений, интегрирующих разнородное российское общество. Политической и интеллектуальной элите, по всей видимости, удалось нащупать основные координаты, в рамках которых выстраивается более или менее преемлемая для граждан страны концепция государства, видение его роли в мире, и, наконец, понимание его истории. Интерпретация исторических сюжетов является одной из наиболее болезненных тем. После «шараханий» конца 1980-х и 1990-х гг., в России начал выстраиваться относительно целостный подход к истории. Его особенностью стал акцент на патриотической компоненте и маргинализация идеологических сюжетов как левого, так и правого толка. Тем не менее, этот подход сохраняет преемственность с советской версией интерпретации истории, в которую было встроено мощное патриотическое ядро. Избавившись от идеологического балласта и сохранившись в первое

постсоветское десятилетие, это ядро превратилось в органическую часть политической идентичности страны, которая формировалась в 2000-е гг. Подобная преемственность стала важным фактором сохранения устойчивости российской государственности. Победа в Великой отечественной войне — стержневой элемент патриотического ядра. Парадоксальным образом, российская демократия получила легитимацию через подспудные, но жизнеспособные внеидеологические составляющие советской политической идентичности.

Прежде чем раскрыть этот тезис, определимся с понятием политической идентичности. Понимая невозможность «конвенциональных», то есть исчерпывающих определений, попробуем обозначить три базовых кластера понятия. Политическая идентичность, во-первых, понимается как совокупность политических принципов, служащих основанием ответа на вопрос «Кто мы?». Во-вторых, — как совокупность представлений, задающих уникальную сущность государства через соотнесение со значимыми «другими» («Мы–Они»), через маркирование

Тимофеев Иван Николаевич — к.пол.н., доцент Кафедры политической теории, директор Центра аналитического мониторинга ИМИ МГИМО (У) МИД России. E-mail: timofeev@mgimo.ru

Материал подготовлен на основе авторской монографии по данной проблематике. См. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. — М. Издательство МГИМО (У) МИД России, 2008.

символических границ. В-третьих, как совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан и осознания ими своей политической общности.

Далее, вслед за представителями модернистской теории национализма¹, будем полагать, что политическая идентичность во многом выступает объектом конструирования политическими и интеллектуальными элитами, а не формируется органично, сама по себе. В этом смысле, можно говорить о политике идентичности государства через формирование политических представлений и принципов, их транслирование посредством институтов образования, СМИ, а также символического ряда, праздничной культуры и т.п. Однако политика идентичности ограничена культурными и этническими традициями, политическим контекстом, конструктами идентичности, уже созданными в прошлом. Важную роль играет и эффективность самого государства, качество его элит.

Понятие политической идентичности близко по своему смыслу понятиям политической идеологии и политического самосознания, пересекаясь с ними, но не будучи тождественным им. С понятием идеологии его роднит выраженность в виде нормативной политической доктрины, совокупности политических принципов, отраженных в доктринальных документах. Но политическая идентичность зачастую ориентирована на общество в целом, в отличие от идеологии, которая часто отражает интересы той или иной партии или социального слоя. Мы можем рассматривать множество идеологий, носителями которой являются различные акторы (партии, движения, политические лидеры), но одну политическую идентичность потенциально значимую для всех граждан страны, независимо от партийных или иных предпочтений.

С понятием политического самосознания идентичность объединяет то, что функции политической идентичности (легитимация политического порядка, интеграция граждан, их политическая мобилизация и др.) не могут быть реализованы не будучи укорененными в самосознании граждан. Вместе с тем, политическая идентичность не может быть сведена к политическому самосознанию. Ее отличает «проектный» характер, она подразумевает связную логику принципов, символов, интерпретаций, тогда как самосознание — значительно более аморфный, «органический» феномен.

Требуется также сделать несколько вводных замечаний относительно специфики политической идентичности России после распада СССР.

Первое — политическая идентичность нашей страны в этот период может определяться как транзитная. В ситуации транзита заложено, прежде всего, состояние кризиса советской политической идентичности, а также — необходимость выбора качественно новой, альтернативной концепции общества и государства, базовых принципов и ценностей, на основе которых должна строиться новая полития.

Второе — становление политической идентичности России представляется целесообразным рассматривать как совокупность принципов, имеющих более фундаментальный и длительный характер, нежели представления, формируемые электоральными циклами, конкуренцией партийных идеологий и лидеров в рамках этих циклов.

Исходя из этого, третье замечание предполагает рассмотрение альтернатив политической идентичности России как исторически сменяющих друг друга модусов самоопределения страны. Аналитически могут быть выделены следующие альтернативы: советская политическая идентичность; «либеральная» альтернатива, во многом носившая характер негативной идентичности, строившейся на отрицании советского прошлого, но слабо проработанной в свете адаптации либеральных принципов к российскому контексту. Наконец, качественно иная альтернатива, начавшая формироваться с конца 1990-х гг. и представляющая собой синтез элементов советской, до-советской и постсоветской идентичности, адаптации этих элементов к новым политическим реалиям.

Мы предполагаем, что поворот в политике идентичности конца 1990-х гг. выступает ответом на недостаточность негативной идентичности для интеграции страны и легитимации политического порядка. Восполнение этой недостаточности во многом осуществляется за счет актуализации патриотической компоненты. Смысловые и символические элементы патриотизма основываются, в том числе, на символах, идеях, архетипах предшествующей эпохи.

Попробуем раскрыть этот тезис сквозь призму изменений интерпретации истории. Хронологически этот процесс начинается на волне гласности и перестройки в конце 1980-х гг. В течение последующего десятилетия происходит отказ от советской версии интерпретации прошлого. Однако только к началу 2000-х гг. появились основания говорить о том, что в России появляется относительно целостный вектор понимания прошлого страны.

Прежде всего, отметим, что советская политическая идентичность подразумевала достаточно целостную и логически непротиворечивую систему интерпретации прошлого страны. Она получала свое выражение в научном и политическом дискурсе, в системе образования всех уровней, в СМИ, в массовой культуре, включая кинематограф, монументах и памятниках, в праздничной культуре и политических традициях. В ее основе лежала актуализация идеологической компоненты и ее представление в исторической перспективе.

Одним из ключевых аспектов выступал акцент на делении истории страны на дореволюционный и послереволюционный период. Октябрьская революция выступала символом радикального поворота к более справедливому политическому устройству, к качественно иному обществу, олицетворявшему ценности свободы и прогресса (в их социалистическом

значении). Идеологическая компонента превратилась в значимый критерий оценки тех или иных событий прошлого, задавая понятийный и концептуальный аппарат их интерпретаций. Социалистический проект концептуализировался в своей исторической перспективе, начиная от условий, которые сделали его возможным и необходимым (социальные конфликты и противоречия предшествующей эпохи), и заканчивая его эволюцией в свете ключевых исторических событий (Гражданской войны, Великой Отечественной Войны, «холодной войны» и т.п.), проблем модернизации экономики, освоения территорий, повышения уровня жизни и т.п.

В соответствии с идеологической компонентой формируется праздничная культура². Идеологические мотивы приобретают доминирующую роль в визуализации социалистического проекта как исторической миссии. Памятники, монументы, музеи, названия городов и улиц, архитектурные ансамбли, оформление станций метро, мест проведения массовых мероприятий и т.п. встроены в единую логику политики идентичности³.

Однако сводить политическую идентичность Советского Союза только к социалистической идеологии было бы большой ошибкой. Наряду с идеологией значимую роль в интерпретации прошлого носила патриотическая компонента. Нередко она скрывалась за идеологической оболочкой, но ее роль была не менее, а возможно и более весомой. Речь идет об актуализации событий в истории страны, которые способствовали укреплению государственности, расширению границ, отражению внешних агрессий, модернизации и прогрессу в различных сферах. При этом речь шла о тех событиях, которые происходили и в дореволюционный период, но которые могли бы подчеркивать преемственность, служить пунктами, общими по своей значимости для всех граждан, демонстрировать составляющие, присущие политике советских лидеров.

Отметим, что потребность в актуализации именно этой компоненты выпукло проявилась в период Великой отечественной войны: наряду с идеологией, использование мотивов и персонажей дореволюционной истории выступало немаловажным источником интеграции и мобилизации общества. К таким мотивам несомненно относятся Битва на Чудском озере, Куликовская битва, Отечественная Война 1812 г. и др. А к историческим персонажам Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Ушаков, Кутузов, Нахимов и др. В честь большинства из них были учреждены государственные награды, они превратились в героев кинолент, им были воздвигнуты мемориалы⁴. Значимыми историческими фигурами в структуре советской идентичности, в том числе и в послевоенный период, выступают Петр I и Екатерина II⁵. В меньшей степени и преимущественно в сталинскую эпоху — Иван Грозный.

Впоследствии, репрезентация уже самой Вели-

кой Отечественной Войны превращается в один из важнейших патриотических элементов советской идентичности. Он оформлялся уже после войны, в период 1960–1980 гг. в виде закрепления Дня Победы как национального праздника, традиции его празднования, мифологии войны, открытия мемориалов и музеев войны и т.п. Начиная с 1960-х гг., война в структуре идентичности начинает играть особенно важную роль в свете появления «послевоенного» поколения. Ветераны становятся непосредственным внутренним адресатом политики идентичности. К тому времени они достигают верхней границы социально активного возраста и остро нуждаются в социальном признании, и вместе с тем, играют важнейшую роль передачи «знания» о войне новым поколениям⁶.

Дискурс о войне позволял говорить разным поколениям на одном языке, иметь общее представление о войне в структуре массового сознания, что способствовало укреплению общей идентичности, в значительно большей степени, нежели идеологические конструкты⁷.

Вместе с тем, в интерпретации прошлого оставался целый ряд событий, которые целенаправленно не акцентировались государством. С попытки восстановления этих аспектов в период перестройки начинается кризис советской идентичности как интерпретации прошлого.

Предметом дискуссий конца 1980-х гг., стал, прежде всего, сталинский период. Пересмотр роли Сталина имел место задолго до перестройки в период «хрущевской оттепели». Причем инициатива исходила «сверху», — со стороны политических элит. Наряду с критикой культа личности, озвученной на XX съезде КПСС в 1956 г., образ Сталина был насколько возможно исключен из символического ряда. Происходит вынос тела Сталина из мавзолея на Красной площади и его захоронение, прекращается возведение памятников Сталину, его имя исчезает из названий улиц и городов, национальный гимн СССР, впервые исполненный в 1944 г.⁸ и акцентирующий образ Сталина, был заменен гимном без слов. В брежневский период критика сталинского режима снимается с повестки дня. Она вытесняется из политического, образовательного, информационного дискурса как с позитивной, так и с негативной точек зрения. Сталинский период превращается в своего рода «белое пятно» истории.

На фоне политики гласности тема сталинского периода вновь приобретает свою актуальность. Лейтмотивом дискуссий становится стремление заново открыть собственную историю, заполнить «белые пятна», связанные с репрессиями и коллективизацией, с первыми месяцами Великой Отечественной Войны и другими событиями. Возрастание интереса к сталинской эпохе демонстрирует стремительный рост тиражей изданий, для которых эта проблема выступает одной из центральных. В 1985 г. тираж журнала

«Дружба народов» насчитывал 119 тыс. экземпляров. После публикации таких работ как, например, «Дети Арбата» А. Рыбакова, его тираж к 1988 г. вырос до 775 тыс. экземпляров. Журнал «Новый мир», в период «оттепели» наиболее активно критиковавший сталинский режим и закрытый в 1970 г., в 1985 г. издавался тиражом 425 тыс. экземпляров. К 1989 г. его тираж вырос до 1,5 миллионов, а после того как летом этого года был опубликован «Архипелаг Гулаг» Солженицына, тираж журнала превысил 2,5 миллиона экземпляров. Еженедельник «Огонек» в 1985 г. выходил тиражом 1,5 миллиона, а в 1989 г. — 3,5 миллиона⁹. Социологами в этот период отмечается, что процесс заполнения «белых пятен» прошлого страны сопровождается ростом социального оптимизма и эйфорией относительно происходящих изменений, пик которой приходится на 1989–1990 гг.¹⁰.

Эти процессы активно стимулируются политическим руководством страны. Нарастанию дискуссии способствовала и внутрипартийная борьба между представителями «реформистского» и «консервативного» крыла КПСС. Заполнение «белых пятен истории», пересмотр сталинского периода и других эпизодов советской истории, в немалой степени легитимировали политический курс правительства М.С. Горбачева. Тем более учитывая то, что ре-интерпретация прошлого в массовом сознании ассоциировалась и с либерализацией режима, с преодолением тех рамок, которые были наложены на «дискурс о Сталине» в брежневский период.

Благодаря активной роли прессы, в короткий срок эти процессы приобрели характер «снежного кома». Интерпретация прошлого все в большей степени привязывалась к критике режима. Расширяется спектр обсуждаемых событий. К ним относятся, главным образом, Октябрьская революция, а также — брежневский период («период застоя»). При этом переоценка Революции имела ключевую роль, так как именно Революция выступала «историческим фундаментом» советской идентичности, на котором базировался существенный пласт политических символов, традиций и мифов. Если изменение оценки сталинского периода можно было бы рассматривать как коррекцию идентичности, которая не была бы чревата ее кризисом, то негативная переоценка Октябрьской революции подрывала сами основы этой идентичности, неминуемо приводя к ее кризису, а впоследствии — и к кризису политических институтов.

Негативная переоценка Октябрьской революции достигает своего апогея в 1990–1991 гг. Этот процесс происходит с одной стороны, на фоне распада социалистического лагеря в ЦВЕ, а с другой, — на фоне начала дезинтеграционных процессов в СССР. В РСФСР, в контексте развернувшегося противостояния с советским руководством, делаются попытки идеализации царской России, и наоборот, «демонизации» советского прошлого, позиционирования

российских граждан как жертв «тоталитарного режима». В общественном сознании эти попытки не нашли существенной поддержки. Распад Советского Союза коренным образом изменил отношение граждан к переоценке прошлого. Если до развала страны эта переоценка сопровождалась социальным оптимизмом и эйфорией, то после дезинтеграции СССР происходит резкий спад оптимизма по отношению к этому процессу¹¹. Принимая во внимание то, что оптимизм был связан с попыткой определения консенсуса относительно прошлого в уже известных координатах советской идентичности (образа и статуса государства, его границ, символов и т.п.), то пессимизм определялся потерей этих координат, которые либо разрушилась, либо потеряли свою актуальность и существовали как бы «по инерции».

«Инерционным» становится ряд праздников (7 ноября, 1 мая). Они остаются выходными днями, но уже не являются объектом политики идентичности государства и теряют свое содержание — масштабные военные парады, праздничную сетку вещания в СМИ с акцентом на историческом событии, отражаемым праздником, всеобщие демонстрации и т.п. В первые годы трансформаций они все еще отмечаются большим числом людей, левые партии выводят на улицы своих сторонников, но само государство уже не направляет значимые ресурсы на их поддержание. Наряду с этим, следует отметить, что политика идентичности новой России в этом отношении носила вполне демократичный характер: старые праздники, де-юре, оставались праздниками, тем более они не были запрещены. В этот же формат встраивается политика в отношении других советских символов. Не происходит массового сноса памятников советским политическим деятелям. (Исключение составляют памятники Дзержинскому и некоторые другие монументы, снесенные на волне событий августовского путча 1991 г.). Ряду городов возвращаются исконные названия, но это преимущественно крупные города. И даже в их случае процесс отказа от советского прошлого выглядит незавершенным (достаточно привести примеры Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Екатеринбург и Свердловской области и т.п.). Происходит переименование улиц, но и этот процесс в начале трансформаций касается, прежде всего, столицы. Даже в Санкт-Петербурге их переименование носит ограниченный характер. Но многие советские символы, прежде всего, связанные с революцией и политическими деятелями в условиях перемен теряют свой смысл, превращаясь в анахронизмы, либо искажаясь и получая новое содержание. Происходит «деполитизация» ряда советских символов на Красной Площади (у мавзолея Ленина не несет службу почетный караул, сам мавзолей утрачивает свою функцию «главной трибуны» страны, восстановлены Иверские ворота и долгое время не проводятся парады с участием тяжелой техники); теряет свою символическую роль ВДНХ и т.д.¹²

В то же время, в стране появляется символический ряд, отражающий тенденции новых интерпретаций прошлого. Новый флаг, герб и гимн подчеркивают преемственность между царской Россией и Россией постсоветской. Подобную же преемственность должно было продемонстрировать изменение названий ряда должностей и единиц административно-территориального деления (губернаторы и губернии, мэрии и мэры и т.п.), изменение названий представительских органов власти (появление Государственной думы). Символические изменения на уровне центральной власти сопровождались и быстрой сменой символов в субъектах федерации. Особенно активно этот процесс шел в национальных республиках (Татарстане, Башкортостане, Калмыкии, Ингушетии, Чечне и др.), хотя в этих регионах значимым ресурсом ре-интерпретации прошлого становится этнический национализм, а непосредственным инструментом — «возрождение» национальных символов в региональных гербах, флагах, девизах и иной атрибутике¹³.

Важной составляющей в актуализации преемственности с царской Россией становится акцент на религиозной составляющей. Рождество получает статус государственного праздника, высшие иерархи церкви занимают заметное место в информационном дискурсе, восстанавливается большое число православных соборов и монументов. Еще один важный аспект — дискурс о казни Николая II и его семьи. В многочисленных публикациях и документальных фильмах казнь репрезентируется как одно из крупных преступлений советского режима, как ошибка, которая символически «исправляется» новой Россией. Кульминацией этого дискурса становится захоронение царской семьи в Петропавловской крепости с соответствующими почестями в 1998 г.

Вместе с тем, новые интерпретации прошлого по своей значимости для общественного сознания, системности и выражению на уровне политики идентичности государства, были не сравнимы с интерпретациями прошлого в структуре советской идентичности. Восстановление преемственности с царской Россией и появление новых символов не могло служить для общества достаточной компенсацией потери устоявшейся идентичности, которая формировалась на протяжении долгого времени. Ситуация усугублялась тем, что несмотря на относительно толерантное отношение к советской символике, новая политика идентичности изначально все-таки строилась на отрицании советского прошлого. Юридически общество уже было иным. Но на уровне коллективных представлений грань между прошлым и настоящим оставалась крайне размытой. Именно поэтому осуществление политики идентичности, выстраиваемой на отрицании советского прошлого, по сути, означало отрицание обществом самого себя.

Диссонанс в восприятии прошлого страны был значительно смягчен тем, что смена его интерпре-

таций не носила абсолютного характера. Процесс радикального отрицания советского прошлого на уровне государственной политики так и не набрал критических оборотов. Видимо, новые политические элиты понимали, что это приведет к дальнейшему расшатыванию политической конструкции и к поражению в конкуренции с левой оппозицией. Целый ряд элементов советской идентичности был встроен в структуру новой российской идентичности.

Она достаточно быстро лишилась идеологического наполнения советского образца. Анахронизмами стали идеологические символы, артефакты, интерпретации (начиная от памятников советским руководителям и заканчивая отрывками в учебниках истории, посвященных тому или иному съезду КПСС). Объектом постсоветских ре-интерпретаций стали либо ярко выраженные идеологические составляющие советской идентичности, либо те моменты, который в советский период считались «белыми пятнами» истории.

С другой стороны, патриотическая компонента, о которой мы говорили в начале работы, сохранилась практически неизменной, и более того, усилила свою значимость. Именно через патриотическую компоненту образовалась связь и преемственность с советским периодом. Составляющие патриотической компоненты в своем большинстве либо вообще не подверглись пересмотру, либо были пересмотрены незначительно. Хотя такие пересмотры и осуществлялись многими историками, они были значимы скорее для узкой группы экспертов и не вводились в структуру идентичности целенаправленными политическими действиями. Более того, в рамках новой политики идентичности, ряд советских интерпретаций был еще более акцентирован и усилен.

Примером может выступать интерпретация петровских реформ и самого Петра I как политического лидера. Эти события могли быть ре-интерпретированы в логике изменения подхода к сталинскому периоду. Могли быть актуализированы большие и неоправданные жертвы реформ и военных кампаний, политические репрессии, утверждение в стране абсолютизма, закрепощение крестьян и т.п. Иными словами, данный период в истории страны, как и многие другие, дает немалые основания для радикального изменения представлений о нем. Однако представления, сформированные в советский период, которые, в свою очередь, практически не противоречили официальной репрезентации Петра I до революции, не подверглись изменениям. Роль Петра I как прогрессивного реформатора, выведшего страну на качественно новый уровень развития, остается доминирующей и в постсоветской идентичности. Фигура Петра I актуализируется в школьных учебниках истории, в различных торжествах (300-летие флота, 300-летие Санкт-Петербурга), ему возводятся новые монументы и т.п. Подобный подход представляется вполне рациональным: на фоне кризиса идентичнос-

ти нет смысла разрушать представления о событиях, которые все еще являются значимыми для граждан страны и выступают предметом более или менее одинакового понимания.

Еще более ярким и актуальным на сегодняшний день примером выступает репрезентация Великой Отечественной Войны, победа в которой становится одной из ключевых составляющих новой российской идентичности. Этому есть несколько причин.

Во-первых, Война и победа в ней — событие относительно недавнего прошлого: еще живы его непосредственные участники. Во-вторых, именно во время войны был дан мощный толчок формированию патриотической компоненты советской идентичности. В этом смысле войну достаточно просто вывести за пределы идеологических расколов постсоветского периода. В-третьих, уже в советский период сформирован существенный пласт интерпретаций войны, значимых для общества и до, и после трансформации, не противоречащих, в этом смысле, задаче интеграции общества в настоящее время. Этот пласт включает в себя и встраивание войны в контекст всей истории страны, логически увязываясь с отражениями многочисленных агрессий в прошлом (Крымская война, Отечественная война 1812 г., борьба с польскими и шведскими интервентами в период Смутного времени 1598–1618 гг., борьба с татаро-монгольским игом и т.п.). Война, таким образом, становится событием, акцентирование которого в структуре идентичности уже укоренено в политических традициях, событием, подчеркивающим историческую преемственность (что особенно важно в условиях кризиса идентичности в 1990-е гг.), наконец, событием, через которое символически репрезентируется единство общества и государства, что служит значимым ресурсом легитимации последнего.

Значимость войны для постсоветской идентичности определяется, однако, не только с точки зрения ее смыслового и функционального содержания. Она важна и с точки зрения возвращения государства в политику идентичности. Политика идентичности начала 1990-х гг. уступала по своему «модернизационному» содержанию (эффективность, организованность, непротиворечивость, целенаправленность) советской политике идентичности. Ре-интерпретаций прошлого начала 1990-х было достаточно для углубления кризиса советской идентичности и ее разрушения, но недостаточно для формирования полноценной альтернативы. Великая Отечественная Война стала тем историческим пунктом, в отношении которого политика идентичности приобретает, во-первых, характер утверждения, а не отрицания символов и ценностей. И, во-вторых, в отношении которого осуществляется целенаправленная деятельность по сохранению наследия прошлого и его встраивания в современный контекст, деятельность, которая востребована обществом и служит предметом общественного согласия¹⁴.

На уровне практической политики подобная деятельность выражалась в поддержке символического ряда военного прошлого, праздничной культуры и традиций, сформированных в советский период, их дополнении новыми элементами (такими как Парк Победы в Москве). Интересно отметить в этой связи, что изменение политической символики Красной Площади во многом встраивается именно в логику актуализации патриотической компоненты и война выступает в данном случае одним из значимых элементов. В начале 1990-х гг. объектом де-политизации Красной Площади становятся многие идеологические атрибуты и монументы. Но Красная Площадь как символ по определению не может быть лишена политического содержания. Одним из мотивов его переориентации становится усиление значимости символики, посвященной войне: в качестве примера может быть упомянуто установление мемориала маршалу Жукову или перенос почетного караула из мавзолея Ленина к Могиле неизвестного солдата, парад Победы с участием военной техники в 2009 г. и др.

К концу 1990-х гг. актуализация патриотической составляющей распространяется и на другие периоды советской истории. Получает свое дальнейшее развитие тенденция к отказу от отрицания советского прошлого, к попыткам найти значимые точки преемственности с ним, изначально оформлявшиеся в актуализации дискурса о войне. Если в начале трансформаций миф о наследии советского прошлого носил преимущественно негативный характер и ассоциировался с левой оппозицией, то к началу 2000 г. этот вектор существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения патриотической компоненты. Достижения советского периода в военной сфере, в области космических технологий, в области экономического освоения Сибири и т.п. репрезентируются уже не как достижения социалистического проекта, но как достижения российской нации. Индикатором подобной тенденции на уровне «повседневной» политики идентичности становится значительный рост числа документальных фильмов, посвященных достижениям советской эпохи. В них делается акцент, в том числе и на то, что эти достижения важны и находят свое развитие в настоящее время.

На уровне государственной символики наиболее заметным событием становится восстановление старого гимна страны с новым текстом, возвращение вооруженным силам России красного знамени. Новая символика, таким образом, приобретает симбиоз российской и советской символики, но все эти элементы подчеркивают национальный и патриотический компоненты, преемственность со всеми историческими этапами развития страны, а не какие-либо идеологические составляющие¹⁵. На уровне праздничной культуры также наблюдается подобная тенденция. Наиболее яркий пример — перенос государственного праздника с 7 ноября на 4 ноября.

Годовщина Октябрьской революции заменяется на День народного единства, «годовщину освобождения Москвы от польских интервентов и окончания смутного времени в 1612 г.». Этому празднику еще предстоит утвердиться в массовом сознании, но уже сейчас очевидно, что государство будет направлять усилия на создание соответствующего дате символического ряда¹⁶.

Подобная тенденция прослеживается и на уровне изменений содержания школьных учебников истории. Интерес в этой связи вызывает исследование Джозефа и Ри Зайда, которые провели сравнительный контент-анализ российских учебников истории. Авторы исследования приходят к следующим выводам. Первое — в новых российских учебниках акцентируется внимание на понятии преемственности, на значимости традиции и культурного наследия. Обращается внимание на случаи в истории страны, когда сохранение и возрождение традиций играло ключевую роль в сохранении государства. Второе — акцент на исторических лидерах. Советский набор ключевых персоналий корректируется, хотя и не радикально, и получает разнообразие за счет наполнения учебников новыми историческими подробностями. Третье — актуализация понятия изменения или трансформации — больше внимания уделяется сравнению различных этапов истории страны, но уже не под идеологическим углом зрения. Четвертое — патриотический элемент становится центральным в оценке тех или иных событий, сохраняя в этом отношении преемственность с советскими учебниками.

Итоговый вывод авторов — акцент на традиции, исторической преемственности и патриотизме составляют новые координаты, основу новой формы интерпретации истории со стороны государства¹⁷. Появление в интерпретации прошлого таких координат является позитивным фактором для формирования новой идентичности. Подобные координаты присущи любому интегрированному государству, включая «старые демократии», такие как США, Франция или Великобритания, не говоря о «новых демократиях». И наоборот, эрозия этих координат в 1990-е гг. приводила к таким явлениям как разрыв между поколениями в интерпретации прошлого, прежде всего, советского, к аморфному представлению о нем у нового поколения, и как следствие — к размытости представлений о государстве на современном этапе¹⁸.

Наряду с тенденцией отказа от отрицания советского прошлого, следует отметить и еще один интересный вектор. Начиная с 2000 г. происходит и изменение отношения к первому постсоветскому десятилетию, которое само по себе становится историей и предметом интерпретаций. Его главная особенность — отсутствие новой волны радикального отторжения постсоветского периода, несмотря

на отказ от отрицания прошлого советского. С одной стороны, на уровне политики идентичности происходит признание того, что распад СССР действительно представлял собой крупную геополитическую катастрофу для страны. Неоправданными признаются и издержки политических и социально-экономических трансформаций: деградация институтов государства, падение уровня жизни, и т.п. С другой стороны, подобное признание не означает того, что государство должно вернуться к институтам и практикам советского периода: жизнеспособная демократия — главное достижение первого постсоветского десятилетия. Это достижение репрезентируется не как случайность, но как исторически вызревавшее в российском обществе в течение долгого времени¹⁹.

Анализируя процесс изменений политической идентичности России с точки зрения интерпретаций прошлого, представляется возможным сделать следующие выводы.

Первое — формирование новой политической идентичности может рассматриваться в логике нескольких альтернатив. Первая альтернатива — советская идентичность, подразумевавшая целостную систему интерпретаций прошлого и соответствующие этим интерпретациям традиции и символы. Другая альтернатива — система интерпретаций прошлого, изначально противопоставляемая первой, а затем, после распада СССР, отчасти заменившая ее в качестве содержания политики идентичности государства. Третья альтернатива — новая позитивная идентичность, в рамках которой формируются новые традиции, задающие преемственность новой России с Советским Союзом и Российской империей.

Второе — новая политическая идентичность не сразу возникает как целостная и логически непротиворечивая система интерпретаций. Первоначально она формируется через отрицание или переосмысление ряда исторических событий советской эпохи, в том числе — ключевых для советской идентичности (таких как Октябрьская революция). Ее эволюция в целостную систему позитивных интерпретаций сопровождается длительным кризисом и хронологически происходит лишь к началу 2000 гг.

Третье — к 2000 г. становится очевидной тенденция отказа от отрицания советского прошлого как основы политической идентичности. Более того, новая система интерпретаций прошлого в значительной степени базируется на патриотической компоненте, присущей советской идентичности. В отрицании последней отказ происходит преимущественно от идеологических, но не от патриотических составляющих. В этом смысле прослеживается преемственность между двумя альтернативами. В структуре новой идентичности патриотическая составляющая усиливается и получает свое дополнение. Наиболее ярким приме-

ром в этом смысле служат интерпретации Великой Отечественной Войны и соответствующий им символический ряд. Через патриотическую составляющую новая система интерпретаций прошлого в рамках политики идентичности государства восстанавливает преемственность новой идентичности России как с советским, так и с досоветским периодом. В настоящее время подобная преемственность устанавливается уже с постсоветским прошлым страны, что, возможно, выступает индикатором того, что постсоветская история страны закончена.

Summary: The article is concentrated on the problem of the Russian political identity change in the Post-Soviet period in terms of the interpretations of the national history. After the instability of the late 1980-s and 1990-s, Russian elite and society have achieved more or less coherent understanding of the past. This approach implies the focus on patriotic component and marginalizes both left and right radical interpretations. However, it has close link with the Soviet version of the history interpretation, which had solid patriotic foundation. The victory in the Great Patriotic War is a key element of this version. Paradoxically, the Russian democracy has got its legitimacy through latent though extremely viable non-ideological components of the Soviet political identity.

Ключевые слова:

политическая идентичность, история, традиция, патриотизм, СССР, Россия

Key Words:

Political Identity, History, Tradition, Patriotism, USSR, Russia

1. Этот подход был разработан такими исследователями как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др. Его ограничения подчеркивались такими авторами как Э. Смит, Т. Эриксен и др. См. Gellner E. Nationalism. London: Weidenfeld and Nicolson, 1997. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс, 2001. Hobsbawm E. Inventing Traditions. / The Invention of Tradition. Edited by Hobsbawm E. and Terence R. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Смит Э. Национализм и модернизм. Москва: Праксис, 2004. Eriksen T.H. Place, Kinship and the Case for Non-Ethnic Nations. // Nations and Nationalism, No 10 (1/2), 2004.
 2. Интересная версия советской праздничной культуры представлена в следующей работе. Малышева С. Советская праздничная культура в провинции. Пространство, символы, исторические мифы. Казань: Рутен, 2005.
 3. См. об этом Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. Москва: Логос, 2002. – С. 65–109.
 4. См. об этом Биллингтон Д.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. Москва: Издательство «Рудомино», 2001. – С. 634–637.
 5. Интересно, что именно в периоды их правления, наряду с модернизацией, расширением границ и военными победами, происходит массовое закрепощение крестьян. См., например, Лещенко В. Ветвящееся время. Москва: Аст, 2003. – С. 298–360. Огромный интерес представляет также работа Исабель де Мадариага. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 155–230.
 6. См. об этом Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа. // Отечественные записки. – 2004. – № 5.
 7. Стоит, однако, отметить, что на протяжении советского периода интерпретации прошлого страны не были стабильными и подвергались коррекциям. Перечисленные особенности не отражают полностью эти колебания и призваны лишь обозначить общие тренды.
 8. Интересна реакция западной прессы на появление гимна СССР в 1944 г. 3 января 1944 г. американский журнал «Тайм» писал следующее. «Москва предоставила еще одно доказательство того, что советский отход от мировой революции к национализму завершен. Накануне 64-го дня рождения Иосифа Сталина Советский Союз отбросил волну вдохновляющий «Интернационал», заменив его как государственный гимн пеаном в честь Сталина и новой России». Цит. по Гриневиц В., Гриневиц Л. Государственные гимны СССР и УССР: от какого наследия мы отказываемся. <http://geraldika.ru/symbols/3192>.
 9. Ferretti M. Memory Disorder. Russia and Stalinism. // Russian Politics and Law, Vol. 41, No 6, November-December 2003. – P. 43.
 10. См. об этом Volodina T. Teaching History in Russia after the Collapse of the USSR. // The History Teacher, Vol. 38, No 2, February 2005. – P. 180–181.
 11. См. Volodina T. Op. Cit. – P. 181.
 12. Большой интерес относительно судьбы советских монументов и символических мест представляют статьи Бэнджамина Фореста и его коллег. Первая из них посвящена изменению монументов в Москве, вторая является сравнительным анализом эволюции монументов в России и в Германии. См., соответственно, Forest B, Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow. // Annals of
-

- the Association of American Geographers, No 93 (3), 2002. – P. 524–547. Forest B. Johnson B., Till K. Post-Totalitarian National Identity: Public Memory in Germany and Russia. // *Social and Political Geography*, Vol. 5, No 3, September 2004. – P. 357–381.
13. См., например, Кирюнин А. Е. Имидж региона как интериоризация культуры. Москва: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 37–88.
14. Данные массовых опросов выступают одним из индикаторов этого. В 1989 г. победу в войне считали самым значимым событием для России XX в. 77%, в 1994 г. – 73%, а в 1999 г. – 85%. См. Гудков Л. Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа. / Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 21.
15. Эта тенденция прослеживается и на уровне церемониала власти. См. об этом Шевченко В. Повседневная жизнь Кремля при президентах. Москва: Молодая гвардия, 2004. – С. 57–77.
16. Историк Вячеслав Назаров находит немало исторических несоответствий в дате этого праздника. Однако для политики идентичности государства важна не историческая корректность с точки зрения науки, но конкретный политический смысл. Новый праздник не «уводится» далеко от 7 ноября, что не создает кризиса в восприятии праздничных дней как таковых («ноябрьские праздники»). В то же время, изменяется смысловое содержание праздника. Оно отдаляется от идеологической компоненты, потерявшей свой смысл, к компоненте «патриотической», выступающей основанием новой идентичности. См. Назаров В. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 г.? // *Отечественные записки*. – 2004. – № 5.
17. Zajda J., Zajda R. The Politics of Rewriting History: New History Textbooks and Curriculum Materials in Russia. // *International Review of Education*, No 49 (3–4), 2003. – P. 379.
18. См. об этом Веселова А. Советская история глазами старшеклассников. // *Отечественные записки*. – 2004. – № 5. См. также Шмелев А. Увалы и овраги в языке школьных учебников истории. // *Отечественные записки*. – 2004. – № 5.
19. Путин В.В. Послание федеральному собранию Российской Федерации. Москва: Кремль, 25 апреля 2005. <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>